

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу
Андреева Александра Андреевича «Книжная справа Ирмология в XVII в.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата богословия.
Специальность — православное практическое богословие.

Диссертация А. А. Андреева озаглавлена как «Книжная справа Ирмология в XVII в.»; в заглавие работы стоило бы добавить уточнение: «в Москве» или «на Руси». Впрочем, вопросами формирования русского первопечатного Ирмология 1657 г. и последующей эволюции текста этой книги диссертация отнюдь не исчерпывается, поскольку значительный объем в ней отведен еще нескольким проблемам, в различной степени связанным с основной темой: текстологии корпуса византийских ирмосов и их славянских переводов, истории православного чина утрени (а особенно таких ее частей, как непорочны, полиелей, избранный псалом и величание, библейские песни, канон, катавасии), истории русского певческого Обихода; а также общим наблюдениям о реформе русского богослужения при Никоне и последующих патриархах.

Основной текст диссертации, не считая титульного листа и оглавления, занимает 290 страниц, из которых свыше 20 страниц отведено списку источников и библиографии. Источники включают в себя большое число греческих и славянских рукописей и старопечатных изданий, многие из которых диссертант просмотрел *de visu*. Библиография содержит 234 позиции, преимущественно на русском и английском, но также и на новогреческом, французском, немецком, сербском и украинском языках. Диссертация сопровождается приложением, объем которого приближается к объему основного текста, содержащим перечисления ирмосов и сопоставления греческих текстов ирмосов и их славянских переводов.

Результаты своих исследований автор диссертации представил в трех больших главах. В первой главе описаны предпосылки появления первого русского издания Ирмология в 1657 году в контексте предпринятой патриархом Никоном богослужебной реформы; реконструированы источники, использовавшиеся авторами этого издания; рассмотрены особенности Ирмология 1657 года и последующих печатных Ирмологиев XVII века. Вторая глава посвящена сопоставлению текста ирмосов в Ирмологии 1657 года с их византийскими оригиналами и старыми славянскими переводами, причем на материале ирмосов лишь первых четырех гласов; в конце главы диссертант предлагает собственную методику численного измерения степени ошибочности переводов богослужебных текстов с древнегреческого на церковнославянский и приходит к выводу о «пятикратном улучшении» текста ирмосов в никоновском издании по сравнению с их старопечатными и рукописными версиями (с. 148). Третья глава содержит пространные экскурсы: сначала в историю византийских богослужебных уставов, а затем — в историю таких разнородных элементов чина утрени, как: непорочны, полиелей, избранные псалмы с величаниями, библейские песни, канон, катавасии и «Достойно есть», каждый раз с обращениями к текстам X, XI и т. д. веков. Целесообразность присутствия в диссертации, посвященной XVII веку, обширного материала из существенно более древних источников, обусловлена тем, что автор диссертации пытается объяснить причины, стоявшие за появлением в Ирмологии 1657 г. целого ряда новых для русской традиции практик (необходимо отметить, что ему это в

целом удается); тем не менее, общую связность работы это довольно заметно разрушает.

Впрочем, главным недостатком работы является отнюдь не некоторая искусственность ее структуры, с которой вполне можно смириться, учитывая бесспорную ценность достигнутых диссертантом научных результатов. Главные недостатки заключаются в незнании или целенаправленном игнорировании значительной части существующей литературы по теме работы, а также некоторых важных источников.

Так, в диссертации никак не упоминается целый ряд статей из «Православной энциклопедии», самым непосредственным образом посвященных поднятым диссертантом проблемам: «Достойно есть», «Евергетидский Типикон», «Иадгари», «Иерусалимский устав» «Ирмос», «Канон», «Катавасия», «Мессинский Типикон» и даже статья «Ирмологий» (!) — хотя на некоторые другие статьи из этой же энциклопедии ссылки имеются. А между тем, такие статьи «Православной энциклопедии», как, например, «Ирмологий» и «Канон», обладают подчеркнуто исследовательским характером (как и вся энциклопедия в целом, которая помимо сугубо информационной задачи вынуждена решать еще и задачу заполнения исследовательского вакуума вокруг вопросов церковной тематики, возникшего в русскоязычном культурном пространстве из-за событий XX века) и имеют достаточно заметный объем. Несомненно, знакомство с ними обогатило бы и диссертанта, и его работу. Если же, с другой стороны, какие-то статьи оказались не упомянуты диссертантом по причине содержащихся в них неточностей, ему все равно следовало не обходить их молчанием, но, напротив, указать обнаруженные в статьях недостатки.

Далее, в рассуждениях о судьбах церковнославянского языка в XVI–XVII веке на Руси, автор опирается исключительно на известную монографию Б. А. Успенского «История русского литературного языка (XI–XVII вв.». Ему неизвестны более поздние публикации Н. Н. Запольской, Е. А. Кузьминовой, С. Н. Кусмауль и О. В. Светловой, существенно уточняющие выводы Успенского относительно изменений в церковнославянском языке в XVII веке и в том числе демонстрирующие систематический характер грамматических изменений в языке печатных богослужебных книг, издававшихся в Москве в 40-е годы XVII века, то есть еще до патриаршества Никона. Незнание этих публикаций самым серьезным образом дискредитирует любые выводы автора относительно языковых изменений в текстах печатных книг при Никоне, при том, что этому вопросу в диссертации отведено особенно много места.

Автору остались неизвестны и многие исследования по направлениям, уходящим в сторону от основной темы работы, например: книга игумена Филарета (Захаровича) 1876 года (3-е издание, с дополнениями: 1899) «Чин литургии св. Иоанна Златоустого по изложению старопечатных, новоисправленного и древлеписменных Служебников: Опыт сличения старопечатных и исправленных церковнобогослужебных книг с древлеписьменными», содержащая подробнейшее сопоставление до- и послереформенного текстов чина литургии (ср. с ошибочными рассуждениями автора о том, что подобное сопоставление было проведено только П. И. Мейендорфом — с. 153); докторская диссертация А. В. Лосского 1987 года «Le Typicon byzantin: édition d'une version grecque (partiellement inédite); analyse de la partie liturgique», содержащая издание полного текста Типикона Sinait. gr. 1094 и выдержки из Sinait. gr. 1095 и 1096 (а наш автор неоднократно ссылается на эти рукописи); осуществленное в 2004 году Дж. Трифуновичем по материалам Л.

Мирковича издание полного текста Никодимова Типика (ср. с утверждением автора на с. 169–170 о том, что существует лишь частичное издание этого текста); и так далее.

Помимо недостаточного знания научной литературы по исследуемым проблемам, диссертант по каким-то причинам игнорирует некоторые важнейшие источники — прежде всего, грузинские: Типикон Георгия Мтацминдели (в работе вообще не упомянут); Древний и Новый Иадгари (в работе упомянуты вскользь, хотя именно здесь следует искать истоки Ирмология как богослужебной книги); грузинские переводы Ирмология; а также Святоградский Типикон и обнаруженную в 1975 году греческую рукопись Нового Тропология (а тем более, в работе нет упоминаний об исследованиях подробно описавшей эту рукопись А. Ю. Никифоровой и еще одного крупнейшего современного российского специалиста по истории византийской гимнографии и ее ранних славянских переводов — Р. Н. Кривко).

Можно было бы вступить в дискуссию с диссертантом по ряду частных вопросов: так, его предположение о палестинском происхождении канонов повечерий предпразднств Рождества Христова и Богоявления (ср. с. 62) нам кажется по меньшей мере сомнительным; представление об обязательном наличии канона, коль скоро существует комплект ирмосов (ср. с. 44, рассуждения об ирмосах Χριστὸς ἐν πόλει , а также неоднократно встречающиеся в диссертации отождествления тех или иных ирмосов с каким-то вполне конкретным каноном) — вовсе неверным, поскольку из наиболее древних источников видно, что ирмосы (и богородичны) могли существовать в рамках самостоятельного комплекса, не связанного с конкретными канонами, и уже из него заимствоваться в каноны, возникавшие позднее (сказанное отнюдь не исключает того факта, что многие каноны, наоборот, писались сразу со своими уникальными ирмосами), песнопение же Χριστὸς ἐν πόλει и вовсе является чистой «катавасией» в позднейшем греческом понимании термина — серией из восьми исполняемых подряд ирмосов, — и канона не предполагает. Автор слепо доверяет атрибуциям митрополита Софрония (Евстратиадиса) (ср. с. 45) и, в частности, отождествляет загадочного гимнографа Германа со свт. Германом Константинопольским, что весьма спорно. Однако все эти вопросы не имеют в данном случае принципиального характера для исследуемой темы.

Принципиальный характер имеют рассуждения диссертанта о языке ирмосов в Ирмологии 1657 года в сравнении с языком тех же ирмосов в старых славянских переводах. Выше нами уже было отмечено, что эти рассуждения априори скомпрометированы тем фактом, что диссертант не ориентируется в существующей специальной литературе по теме. Детальная проверка каждого из рассматриваемых диссертантом разночтений между старыми и новым переводами потребовала бы неоправданно долгой и кропотливой работы, тем более, что в основном тексте диссертации разбираемые цитаты из ирмосов не приводятся, так что читателю фактически предлагается каждый раз самостоятельно искать их в приложении. Но даже беглый анализ демонстрирует, что выводам автора доверять нельзя, по трем причинам: 1) автор недостаточно хорошо ориентируется в пореформенной грамматике церковнославянского языка (ограничимся одним примером: на с. 105 краткое прилагательное ж. р. «всемогущи», которым абсолютно буквально переведено греческое πανσθενής , интерпретируется как наречие, с соответствующим выводом об «отступлении от буквального перевода»), не говоря уже о славянской грамматике в диахронии; 2) автора можно заподозрить в

тенденциозности в выборе рассматриваемых при сопоставлении мест, заключающейся в замалчивании объективных ухудшений в пореформенном тексте (еще один пример: в ряду сопоставлений обойден молчанием ирмос № 1234 по нумерации автора, где в дониконовском тексте читается: «...Богородице, живыи нетления Источниче», а в пореформенном: «...Богородице, живой и независтный Источниче»; пореформенное чтение лишено смысла и, вероятно, основывается на ошибке копирования греческого оригинала: ἄφθovος вм. оригинального ἄφθopος, хотя и вариант ἄφθovος следовало бы переводить не бессмысленным в данном случае словом «независтный», а, например, как «обильный»); 3) автор многократно оправдывает те или иные исправления тем, что «просто» поменялась «языковая норма», не осознавая того факта, что само это изменение «нормы» часто было не причиной, а следствием книжной справки. Поэтому утверждения автора о якобы «пятикратном улучшении» пореформенных ирмосов «по сравнению с дореформенным текстом» (эта фраза буквально повторяется на с. 14, 148 и 150), не являются убедительными.

Автор не дает внятного объяснения тому факту, что при сопоставлении текстов ирмосов он решил ограничиться только первыми четырьмя гласами, а корпус богородичных вообще оставил без внимания. Впрочем, в свете описанных систематических недостатков при сопоставлении текстов различных переводов, включение в текст работы в ее нынешнем виде еще каких-либо групп текстов ничего бы принципиально не изменило.

Наконец, можно указать и на недочеты технического характера. Автор пишет на хорошем русском языке, но одновременно допускает ряд грамматических и синтаксических ошибок, некоторые из которых являются систематическими («в отличии от» вм. правильного «в отличие от»; склонение слова «утреня» не по русской, а по церковнославянской парадигме («на утрени» вм. «на утрене», при том, что слово «вечерня» автор склоняет по русской парадигме: «на вечерне»); склонение слова «[библейская] песнь» не по 3-му, а по 1-му склонению (как слово «песня»); наличие запятой только в начале, но не в конце причастных оборотов; и проч.). Диссертанта извиняет его иностранное гражданство, тем не менее, от работы, посвященной тонкостям славянской филологии, все же хотелось бы ожидать большего внимания к правилам русской грамматики и синтаксиса. Не все в работе вполне уместно стилистически: так, сокращения BAS, CHR и PRES, которые с подачи Роберта Тафта активно используются в современной англоязычной литературе, в русскоязычной работе слишком бросаются в глаза; цитирование первых слов ирмосов только по-гречески, без славянского эквивалента, в контексте анализа именно их славянских переводов выглядит несколько пренебрежительным в отношении читателя; квалифицировать действия еп. Порфирия (Успенского) как «похищение» рукописи (с. 99), позднее переданной в фонд Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург), в работе, защищаемой в Санкт-Петербурге, — попросту неприлично.

Как бы то ни было, недостатки диссертации не могут затмить ее достоинств. Прделана значительная работа, с использованием большого числа древних рукописей и иных источников. Восстановлены обстоятельства появления Ирмология 1657 г. и продемонстрировано большое значение этого издания для последующей богослужебной традиции Русской Церкви. Тщательно проанализированы состав этого Ирмология, происхождение

содержащихся в нем литургических указаний и их дальнейшее влияние на русское богослужение. Систематизирован значительный корпус текстов.

Таким образом, высказанные замечания не препятствуют высокой оценке диссертационного исследования. Диссертация А. А. Андреева «Книжная справа Ирмология в XVII в.» представляет собой завершенную научно-исследовательскую работу, выполненную автором самостоятельно, которая вносит значительный вклад в изучение литургической традиции Русской Православной Церкви и содержит материалы, имеющие существенное значение как для истории богослужения Русской Православной Церкви, так и для православного практического богословия в целом. Ее основное содержание отражено в автореферате, а также в опубликованных научных статьях общим объемом 5,5 п. л. Исследование отвечает требованиям, определенным в пп. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года, и в пп. 21-27 «Положения о кандидатских диссертационных советах в Русской Православной Церкви», утвержденного Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом 13.03.2015 года, а ее автор заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата богословия по специальности «православное практическое богословие»

Доцент кафедры богословия и литургики
Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия
кандидат богословия свящ. М. С. Желтов

14.05.2018

Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования Русской Православной Церкви «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»
адрес: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1
телефон: (495) 721-80-23
e-mail: cancelar@doctorantura.ru

*Подпись свящ. М. С. Желтова
закреплено.
Специалист по кадровой
работе ОЦАД *Овсянникова О. Ю.*
23.05.18.*

